

УДК 821.161.1 – 3 + 008

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Тихомирова Е.Е.

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск,
e-mail: imktikhomirova@mail.ru

На материале творчества сибирских писателей-областников, Г.Д. Гребенщикова, А.И. Макаровой-Мирской и др. в докладе рассматриваются основные бинарные оппозиции, которые представляются как граница культурной нормы. Дуальность универсальных структурных компонентов языка и культуры (имя, являющееся субъектом и объектом при описании мира, и глагол, предназначенный для описания связей между субъектом и объектом) является культурной нормой, которая последовательно представлена в произведениях середины XIX века и которая начинает деформироваться в различных вариантах к эпохе революций. Выявлены и интерпретированы временные и локальные границы, которые маркируют как текст, так и вне-текстуальную реальность.

Ключевые слова: культурная универсалия, бинарная оппозиция, срединность, Сибирь, культурный текст, областничество, евразийство

BINARY OPPOSITIONS AS A BORDER CULTURAL NORM IN CREATIVITY SIBERIAN WRITERS MID. XIX – EARLY XX CENTURY

Tikhomirova E.E.

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, e-mail: imktikhomirova@mail.ru

On the material of the Siberian writers regionalists, G.D. Grebenshikov, A.I. Makarova-Mirskaya and others, the report discusses the basic binary oppositions that are presented as a border cultural norms are. Duality universal structural components of language and culture (name, which subject and object in the description of the world, and a verb, reassigned to describe relations between subject and object) is a cultural norm that is consistently presented in the works of the mid XIX century, and that starts to deform in various embodiments, to the era of revolutions. Identified and interpreted temporary and locally boundaries that mark both text and outside the text reality.

Keywords: cultural universal, binary opposition, middle, Siberia, cultural text, regionalism, Eurasianism

Бинарная оппозиция – это универсальное средство членения мира, способ подачи информации о мире человеческим сознанием. Маркирование границ бинарной оппозиции – это, возможно, обозначение границ мира, причем в разных плоскостях. Бинарная оппозиция представляет собой и границы культурной нормы *можно – нельзя*, в том числе, границы нормы поведения. Понятие бинарной оппозиции, системы бинарных дифференциальных признаков лежит в основе любой картины мира. Эти признаки носят универсальный характер и это следует регулярно: верх – низ, мужское – женское, жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, хорошее – дурное, близкое – далекое, прошлое – будущее, здесь – там и т.д.

Для культурных (не только территориальных, но и смысловых) областей, *пограничных* между Западом и Востоком и как бы поневоле совмещающих поляризованные смыслы и ценности смежных с ними западных и восточных явлений, фреймы, воспроизводящие конструкцию «взаимопора», не просто типичны, но составляют «каркас» системы. В пограничных культурах резко контрастируют их взаимоисключающие

тенденции: *открытость* и *закрытость*; *«всемирная отзывчивость»* и *национальный мессианизм, космополитизм и изоляционизм*; *революционное новаторство и охранительность*; *динамизм и статичность* и т.д., – но не для того, чтобы окончательно отделиться друг от друга. Постоянное колебание между двумя полярными тенденциями является не только «естественным», но подчас и «единственно возможным» для подобного типа культур динамичным фактором их развития, а бифуркация становится в пограничных культурах не характеристикой того или иного кризисного состояния, но перманентным свойством всего исторического процесса, интериоризованным культурой на ментальном уровне [5, с. 209]. Так, промежуточное положение между Европой и Азией снимается концептом Россия – Евразия. Действие закона исключительного третьего не распространяется на зоны перехода, границы. Поэтому пограничность оказывается тем срединно-средним состоянием, которое маркирует Россию как срединное государство первобытия которого – рубеж – застава между Востоком и Западом. Такую культуру в Сибири как пограничном регионе созда-

ют русский географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, один из основателей сибирского областничества Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) и Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894) – сибирский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон, столицы Чингисхана Каракорума и Орду-Балыка – столицы Уйгурского каганата в Монголии. Областники пытались обосновать возможность зарождения сибирского регионализма, наметить его перспективы. Концепция культурной самобытности Сибири все же родилась в самой России. Во второй половине XIX в. благодаря деятельности интеллигенции, считавшей регион Сибири срединной территорией, сложилась культура со своим национальным содержанием. В XIX веке Сибирь, начав расцениваться как культурная пустыня, добавила к своему мифологизированному образу еще один оттенок. Идеологи областного движения рассматривая Сибирь как срединную культуру, Г.Н. Потанин и П.М. Ядринцев, ставя проблему специфики Сибири как особого пространства в российской империи, закономерно должны были рассматривать культуру Сибири как типологически целостное явление. Демонстрируя знание ассоциирующихся с Сибирью текстов от летописей и исторических песен, посвященных Ермаку, до творчества полузабытых поэтов недавнего прошлого, давая авторам этих текстов меткие характеристики, «областники», по сути, конструировали историко-литературный процесс Сибири в его целостности, устанавливая взаимосвязи между этапами становления словесности края.

Ландшафт маргинального пространства каторги, ссылки и проживания различного рода «коммунитас» с поражающими воображение лесами и реками (переправа через реку и углубление в лесную чащу – традиционные компоненты обряда инициации), с растягивающейся на полгода зимой и полярной ночью в северных районах оказался благодатной почвой для актуализации одной из наиболее архаичных культурных моделей. Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни [6, с. 95]. Александра Макарова-Мирская (1872–1936) в своей философско-

религиозной прозе, особенно в очерках «Апостолы Алтай» создает образ Алтая, сибирских миссионеров, местного населения, идущих путем Христа к возрождению души, богостроительству и строительству храма на земле и в душе. Выдающийся алтайский миссионер протоиерей Василий Вербицкий соединял в себе черты ревностного проповедника Евангелия Христова и учёного-тюрколога. Немаловажна роль протоиерея В. Вербицкого и в распространении грамотности среди местного населения. Народы Алтая до прихода православных русских миссионеров письменности не имели. Поэтому наибольшая заслуга Вербицкого для алтайского языкознания заключается в подготовке им грамматики алтайского языка. В своих «Записках» он подробно излагает пути личного возрождения: «Случается, что новокрещенные вступают в брак с русскими девицами. Иногда это хорошо, а иногда для новокрещенных бывает очень вредно... Жена инородца Д. оставила его и в продолжении шести лет вела жизнь развратную. Вскоре по переселении моем в Калтан я узнал об этом супружеском зле: убеждал заблудшую, умолял, угрожал гневом Божиим и вечную погибелью; но и кроткия мои убеждения, и угрозы несколько времени были напрасны. Однако, несмотря на это, настояния мои не прекратились, и Господь, исправляющий стопы каждого смертного, неразумяющего путей своиху, взыскал заблудшую и послал мне утешение видеть, что она образумилась, и Д., доведенный чрез нее до разстройства по душе и по хозяйству, успокоился и по молитве в походной церкви и напутственном от меня благословении сего дня отправился вместе с женою своею в свой родной аил» [2, с. 128].

Каждый полюс бинарной оппозиции становится фокус организованной культуры и одновременно субъект, освоивший культурное содержание этого полюса. Это могут быть два субъекта, персонифицирующих эти полюса. Но каждый из них неизбежно осваивает оба полюса, и, следовательно, каждый субъект осуществляет свой синтез бинарной оппозиции в процессе внутреннего Диалога между полюсами. Мысль, как и деятельность в целом, движется через полюса оппозиции. Она является не только культурологической, но и психологической категорией и может переживаться через Страх человека перед одним из полюсов, страх Отпадения от другого полюса и одновременно через Тоску по Партиципации, тоску по другому полюсу, а также через Любовь [1, с. 247]. Примером такого переживания может стать творчество Г.Д. Гребенщикова.

Жизненный путь Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882 (83) – 1964), одного из наиболее интересных писателей и культурных деятелей XX столетия, стал воплощением его жизненной концепции освоения культурного пространства, где движение всегда отмечено строительством человеческого духа, его языка, храма. Разнонаправленность движения в пространстве у Георгия Дмитриевича всегда была осознанной и сопрягалась с литературной, философской, жизне- и культуросозидающей деятельностью. Рождение в Барнауле, журналистская, редакторская, писательская деятельность в Томске, Омске, Барнауле, Усть-Каменогорске; литературное паломничество в Москву и Санкт-Петербург. Там в 1914 году выходит под редакцией Гребенщикова «Алтайский Альманах», который открывается этнографический очерком «Алтайская Русь», иллюстрации по просьбе Гребенщикова делал алтаец Ч. Гуркин. На обложке изображен алтайский традиционный дом как символ единения своего, личного пространства с пространством макрокосмоса и символ их подобия. Получив поддержку классиков, в том числе, Л.Н. Толстого, Гребенщиков возвращается в Сибирь. Идея срединного жизненного пути, труда, созидания, преодоления протяженности пространства и неумолимости времени представляется писателю вообще преодолением экзистенциальной конечности человека: *«Я много раз пытался основать свой прочный скит... Когда мне было двадцать лет – я уже строил на Белачаге под Семипалатинском. Еще там мечтал о ряде скамеек под открытым небом: вот, мол, придут молодые пахари-соседи, а я им почитаю что-нибудь «о лучшей жизни». Потом строил в Семитавских горах, на золотых приисках. Строил близ Усть-Каменогорска – шестиугольную юрту у родника. Молодой этнограф Алексей Белослюдов потом уплавил ее в Семипалатинск... Потом строил в Колыванском Заводе – есть чудесное такое место на Алтае...»* [3, с. 21–23]. После революции 1917 года – эмиграция: Турция, Франция, затем, по настоянию Н. Рериха, США, штат Коннектикут. Мечтая о городе-саде, который бы проводником русской культуры в Америке он создал русский поселок Чураевка по подобию старообрядческих алтайских скитов и названный по имени героев своего романа-реки «Чураевы». Чураевка задумывалась как дом нового духа, новой жизни, новой культуры, которая должна соединить континенты и страны: через Сибирь – Россию и Америку. После того, как в Москве был разрушен Храм Христа Спасителя, он

в Чураевке построил часовню, посвященную Сергию Радонежскому. Издательская, деятельность, развернутая издательством «Алатас» (Белый камень) под руководством Г.Д. Гребенщикова, действительно соединяет пространство, духовно окормляя русских эмигрантов, разбросанных по всему миру. Стремление ко всеединству и целостности определяет основной вектор деятельности издательства, его отделения рассказывают о России в Харбине, Берлине, Тяньцзине и других городах мира. Литературный дом-издательство дает помощь в строительстве нового дома, земного, освоению нового культурного пространства и рассказывает о доме небесном.

В издательстве «Алатас» вышли в свет книги Н.К. Рериха, К. Бальмонта, А. Ремизова, здесь же издаются и распространяются книги Гребенщикова: «Чураевы», «Былина о Микуле Буяновиче, «Гонец. Письма с Помперага», «Путь человеческий», вошедший в цикл небольших произведений, написанных Георгием Дмитриевичем в Берлине в 1922 году.

А в 1918 году Георгий Дмитриевич жил в Киеве, Одессе, в августе 1920 года выехал в Константинополь. Именно в середине 1918 года в разбитом и заплыванном вагоне, движущемся в Киев, начинается действие в повести «Путь человеческий» [4]. Отставной русский полковник возвращается с первой мировой войны. Начинает свой путь домой в революционную Россию с потоком демобилизованных солдат и офицеров. Верный слуга царя и отечества теперь лишен и того и другого. Революционные неурядицы сковали железные дороги, поэтому главный герой вынужден остановиться в Киеве. Уже первые эпизоды основаны на различной репрезентации концепта *путь*: географический вектор (вектор движения в Россию, как хранилище духовности, идей православия, любви к ближнему) и вектор духовного нисхождения. Вокзал, находящийся между небом и землей, теперь становится пересечением этих векторов, центром древней столицы Руси, где когда-то была крещена Русь, а Подол, Днепр, киевские храмы в измененной системе координат смещаются на периферию. Субъектом революционного хаоса становятся *хмурые, бледные и не разговорчивые солдаты, вертлявый, как мышь, черненький врач, обтрепанные и грязные офицеры, без погон, и без гордости, в беспорядке смешавшихся на полу со своими мешками и узлами, серая масса кишела на полу, и звучат люди уже по-звериному: генерал кричал, масса заржала, молодой офицер, промышчал что-то спросонья* [4]. По сути, человек, как субъ-

ект культуры, теряет свои признаки, перестает адекватно действовать во времени и пространстве и превращается в объект воздействия независимых от него сил. Эта дуальность универсальных структурных компонентов языка и культуры (имя, являющееся субъектом и объектом при описании мира, и глагол, предназначенный для описания связей между субъектом и объектом) деформируется уже в самом начале повествования. Главный герой – Дмитрий Постоев – был потомственным священнослужителем, но по прихоти возлюбленной, которой нравится военная выправка, он идет в военное училище.

Временные координаты в рамках бинарных оппозиций в тексте последовательно чередуются: прошлое – настоящее – прошлое – будущее. Настоящее совпадает с прошлым и будущим, вечностью, когда герой видит центр Киева: *А рядом с образами прошлого нарастало в сердце новое, большое и неуловимое, как синева небес:*

– Господи, Господи! Как Ты грозен и непостижим и как сладко вновь найти Тебя и, склонив колена, покориться воле Твоей [4].

Возвращение в прошлое происходит в сказочных снах о дореволюционной России, в которых его возлюбленная *Клавдия стоит среди травы почти до пояса и, протягивая к Дмитрию руки, кричит, как погибающая, отчего просыпаются идилические, библейские пастухи.* Сказочное пространство и время между жизнью и смертью, бытием и небытием подчеркивается сказочными же сравнениями: *«А потом, спустя три месяца... несет их Змей-горыныч – скорый поезд, – в Москву... телеграфные столбы смотрелись долговязыми старыми ведьмами, с тонкими и длинными косичками, связанными друг с дружкой от Тамбова до Москвы.* Время и пространство отцовского дома, дореволюционной жизни *так необъятно, и велико, и непостижимо, что терялась мысль в этих пространствах и не хватило бы жизни все изведать, всюду побывать, все прочесть, что написано на русском языке о русских былях и народах [4].* И это пространство сужается до вокзала, потом съемной комнатки с изъеденными жучками мебелью как буферного мира. Персонаж возвращается из чужого мира и останавливается в некоем срединном мире, в котором проходит обряд для перехода в новый неизвестный мир.

В мире хаоса со сказочным Змеем-Горынычем происходит тоже метаморфоза. Он обращается низменным обликом, разрастаясь в пространстве из червя-древоточца, источившего столик в гостинице, и голод-

ного червячка, в змею, она и *тянет, пьет всю кровь и жжет и холодит в одно и то же время, и от этого весь свет желтеет, а голову обносит.* Чудовищно фантастических размеров образ змеи (змея-искусителя) достигает в олицетворении очереди в кинематограф, *которая массой вползала в подъезд, и эти две живые ленты показались Постоеву, как никогда еще, бездушными и омерзительными, как змеи.* Сущность человека снижается до насекомого: *«Это не люди, это гнус, паразиты, саранча! И всех их, всех паразитов, всех бездушных, бессмысленных и ядовитых необходимо истреблять. Истреблять!» [4].* И здесь ощущаются аллюзии на рассказ о казнях египетских, за которыми должен последовать исход, освобождение из плена египетского.

Однако киевская Весна относится читателя ко времени, когда был сотворен мир, а Пасха, ко времени, когда мир был спасен жертвенным подвигом. И это освобождение, очищение происходит. Постоев, будучи синкретично вписан в макрокосмос, начинает вести себя, ощущать и думать в соответствии и его законами и нормами: *«Сам же человек рожден, чтобы созерцать мир, размышлять и действовать в соответствии с этим. Он никоим образом не совершенен, он какая-то частица совершенного» [8].* После мучительных раздумий он приходит к выводу, *что революция – болезнь, эпидемия, такая же заразительная, как холера или тиф. И он, Постоев, где-то наглотался микробов революции, и весь организм его пропитан революцией, как есть содержание и смысл в силе огня, воды, бури и грозы, и стало быть революции нельзя не признавать: это сила, это стихия, это Божий промысл!» [4].* По словам П. Флоренского, *«Человек в мире; но человек так же сложен, как и мир. Мир – в человеке; но и мир так же сложен, как и человек... Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его» [7, с. 168.].* Поэтому само священное место, киевские соборы и духовная работа, и работа телесная – движение к *пешком к Андрею Первозванному* приводит его к мысли, о том, что:

– Ведь это же все вечное, непобедимое!

– Быть может в самом деле, все вот так, как он, Постоев, пройдут все стадии душевных мук и всем и все простят, откажутся от хищного корыстолюбия, признав раз и навсегда, что настоящая свобода, мир и братство в том лишь, чтобы вот так, как сейчас полковник Постоев, иметь молитвенную жажду и крест страдания в душе, и идти по своей дороге, никому не уступая своего пути и никого не бо-

ясь, потому что этот его путь – верный, прямой и светлый, потому что это путь к истинной любви и миру, путь Человеческий! [4].

В постреволюционном обществе универсальные смыслы и бинарные оппозиции размываются, поэтому читатель обращается автором к образцовым текстам, вошедшим в сокровищницу мировой культуры, и актуально звучащим даже в эпоху беспорядка. Эти образцовые тексты связаны с МХАТ, Большим театром, поскольку имеют автобиографическую основу, а также именем П.И. Чайковского и библейскими текстами.

Теперь путь к киевским храмам становится скорее паломничеством, утверждением русскости. Не случайно это паломничество сопровождает музыка, творящая божественную гармонию, божественный порядок, которая обычно сопровождает сакральные акты. В итоге в срединном мире между Африкой и Европой на лодке в Черном море между берегами осталось пять людей. Они творят мир в себе и себя в мире с помощью вечного Слова.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М.: Философское общество, 1991. – Т. 1. – 319 с.
2. Вербицкий В.И. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / Кемеровская и Новокузнецкая епархия; [рук. проекта иерей Виктор Соловей; ред.: Карышев К.Л.; сост.: прот. Игорь Кропачев]. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 368 с.
3. Гребенщиков Г.Д. Гонец. Письма с Помпеярага. – М.: МАСТЕР-БАНК, фирма БИСАН-ОАЗИС, 1996. – 215 с.
4. Гребенщиков Г.Д. Путь человеческий. URL: http://grebensch.narod.ru/human_path.htm (дата обращения: 18.02.2010).
5. Кондаков И.В. Культура России: краткий очерк истории и теории. – 4-е изд. – М.: КДУ, 2008. – 357 с.
6. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: Учебное пособие для вузов. – М.: Academia, 2006. – 336 с.
7. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 184 с.
8. Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты // Отв. ред. Г.Г. Майоров. Перевод с лат. и комм. М.И. Рижского. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/cicero/phil/natdeor2-f.htm> (дата обращения: 18.02.2010).